

Задав вопрос, Чи Юцин не торопил с ответом — дал Дуань Цзинсяню время всё обдумать.

Несправедливо оставлять недомолвки на ночь. Если бы Юцин ничего не знал — другое дело, тут и размышлять не о чем. Но раз уж узнал, сидеть сложа руки не намеревался. Раз сказал, что ухаживает всерьёз, значит, никаких недоразумений между ними быть не должно.

Он поднялся, подтянул со стороны деревянный стул и уселся рядом с Дуань Цзинсянем. Теперь их разделял лишь небольшой круглый столик.

Взяв чашку, из которой только что пил Цзинсянь — тётушка Цзян заварила успокаивающий травяной сбор, самое то перед сном, — Юцин одним махом допил остатки и тут же наполнил её снова из фарфорового чайничка с выпуклым узором.

Протянув пиалу Дуань Цзинсяню, он с улыбкой уставился на мужчину, пытавшегося отвести взгляд. В голосе Юцина проскользнула растерянная, почти детская обида:

— Младший дядя, ты так молчишь, будто я спросил о чём-то совсем нескромном.

— Нет, — мгновенно отозвался Дуань Цзинсянь.

Но стоило ему поднять глаза и встретиться взглядом с Юцином, как он тут же понял: этот хитрый волчонок сделал это намеренно.

Юцин прекрасно обо всём догадывался. Спросил, отлично зная ответ. Знал, отчего у него вдруг испортилось настроение.

Встретившись с ним взглядом, Цзинсянь тихо выдохнул:

— То, что вы с Фан Юанем ходили в компанию семьи Вэй, далеко не секрет. Кому надо, те давно вас сфотографировали.

Чи Юцину хватило мгновения, чтобы сложить два и два.

Подавшись немного вперёд, он улыбнулся:

— Слухи не расползлись только потому, что ты вмешался, верно? На самом деле мне всё равно, но обещаю впредь быть осмотрительнее. Мы ездили туда с одной целью — расторгнуть контракт Фан Юаня. Больше ничего.

— Больше ничего, — тихим эхом повторил Дуань Цзинсянь его последнюю фразу.

Он и сам не знал, о чём читал всё это время. Нахлынувшие с самого утра чувства казались ему дикими, чужеродными. Но раз уж дело касалось Чи Юцина, пройти мимо он не мог.

И ещё тише добавил:

— А то, что ты привёл его в студию, — тоже «ничего»?

Чи Юцин ненадолго запнулся, а затем пояснил:

— Сегодня у нас было две задачи: развязаться с Вэем и устроить Фан Юаня. Актёрство его совсем не привлекает, зато в компьютерах он шарит отлично. Каков он в деле, я знаю лучше других — сам его учил. В студии он мне очень пригодится.

— К тому же держи его под боком — так проще присматривать. Уж поверь, подозрительности во мне хоть отбавляй, она растёт как грибы после дождя, честное слово! Младший дядя, ну не смотри на меня так. Я серьёзно. Я ещё присмотрюсь к нему и лишнего болтать не стану.

— Младший дядя...

— Я не собирался ничего от тебя таить. Мы договорились с Фан Юанем поздно вечером, ты уже спал. Утром я проспал, вот и решил всё выложить, когда вернусь. Хотел сказать лично, глядя в глаза, раз уж обещал. Так ведь честнее.

— Прости, не подумал сразу. Обещаю, впредь такого не повторится.

Выслушав эту сбивчивую тираду, Дуань Цзинсянь неожиданно понял... что зашёл слишком далеко. По сути, Юцин вовсе не обязан был перед ним отчитываться.

Контролировать каждый шаг? Никому не понравится гиперопека, лишаящая свободы. Его младший брат — яркий тому пример: они с Минъюем до сих пор не могут толком поговорить без ссор.

Старые привычки выросли глубоко, но от них пора было избавляться.

Он постоянно твердил о правилах семьи Дуань, но для Чи Юцина эти правила ничего не значили. Когда он соглашался пустить юношу к себе, то лишь хотел, чтобы тот всё взвесил.

Тщательно подбирая слова, Дуань Цзинсянь произнёс:

— Насчёт Фан Юаня... Ты всё объяснил, и я тебе верю. Всё остальное — мелочи, решай сам. Запомни только одно: и с Фан Юанем, и с Вэй Чуюнем держи ухо востро.

Хм?

Чи Юцин удивлённо нахмурился, заметив, как резко изменилось настроение собеседника, и прямо спросил:

— Я вовсе не считаю, что ты суёшь нос не в свои дела. Мне просто хотелось поговорить лично, чтобы всё звучало искренне и серьёзно. Младший дядя... ты что, не так меня понял?

Натолкнувшись на столь напористую откровенность, Дуань Цзинсянь онемел.

Он не привык к подобным разговорам.

В его привычном мире половина вещей замалчивалась, читаясь между строк. Но Чи Юцин вываливал всё начистоту. Это был отказ? Или одобрение?

Теперь Цзинсяню отступать было некуда — требовался чёткий, однозначный ответ.

Поняв, что юноша не отступит и будет терпеливо ждать, он наконец заговорил:

— В доме семьи Дуань нужно соблюдать уклад. Но за его пределами ты взрослый человек и сам знаешь, что делаешь. Мне незачем контролировать каждый твой шаг.

Э-э-э... Чи Юцин всё понял. Пусть сформулировано туманно, для человека с характером Дуань Цзинсяня это уже был огромный шаг навстречу.

Что ж, неплохо. Не всё сразу.

Он положил ладонь на колено мужчины и подался ближе. В его тёплых глазах цвета персиковых лепестков заплясали искорки:

— Младший дядя, я хочу, чтобы ты вмешивался. Во всё, будь то важные дела или сущие пустяки! Мне нечего от тебя скрывать, я жажду делиться с тобой всем. И даже если у меня есть свой план, я всегда с радостью выслушаю твой совет.

— Я ведь переехал к тебе! И ты всё равно хочешь оставить меня без присмотра?

— Так не пойдёт. Ты обещал строго приглядывать за мной, чтобы я стал шёлковым. Помнишь? Мне как раз и нравится в тебе эта властность.

Человеку уровня и статуса Дуань Цзинсяня неизбежно присущи жёсткость, властность и стремление всё контролировать. Но Юцина это нисколько не пугало.

За долгие годы одиночества и предоставленности самому себе он мечтательно жаждал, чтобы кто-то ворчал на него и воспитывал. Ему это было только в радость! А уж учитывая, насколько образ и внешность младшего дяди попадали в его фетиши... внутренний ценитель буквально мурлыкал от восторга.

С чего бы запрещать ему управлять собой?

Дуань Цзинсянь слушал его со смешанным чувством изумления. Он-то уже решил поубавить пыл, придержать характер и не тратить драгоценные минуты совместной жизни на ссоры. И что же заявляет Чи Юцин?

«Приглядывай»? «Не оставляй без присмотра»? «Мне нравится твоя властность»?

Ошеломление было не скрыть.

По-хорошему, нормальной реакцией считался бунт, как у Минъюя, который органически не переносил авторитарный стиль старшего брата. Но властные привычки не искоренить за пару дней.

Юцин заметил растерянность Цзинсяня. Но следя за тем, как в холодной глубине его фениксовых глаз разгорается робкий огонёк, он понял: его слова достигли цели.

Попали в самое сердце.

Ох, до чего же идеально они подходят друг другу!

Не нужно стёсывать острые углы или заполнять пустоты — они совпали, точно детали пазла. Никому не придётся подстраиваться или ломать себя: достаточно оставаться собой.

Ему ведь с первого взгляда запали в душу именно эти черты. Зачем же их прятать?

Опершись о колени Цзинсяня, Юцин поднялся и тут же протиснулся к нему на одноместное кресло. Вышло тесновато, но это ощущение близости безумно ему нравилось.

Очень уютно.

Нежно обняв мужчину и прижавшись головой к его плечу, он с улыбкой промурлыкал:

— Значит, договорились! Больше никаких недомолвок. А если я начну приставать к тебе с каждой мелкой чепухой, смотри не ворчи, что я надоедливый!

Втиснутый в эти объятия, Дуань Цзинсянь сначала окаменел, но затем постепенно расслабился. В его опущенном взгляде не осталось и следа прежнего холода.

Тихо дав согласие, он опередил Юцина, потянувшегося за ласковым прикосновением к щеке, и мягко погладил его по макушке. Затем поднялся и, сдержанно пожелав спокойной ночи, направился к выходу.

Чи Юцин устроился в кресле, подперев подбородок рукой, и пропел вслед:

— Младший дядя-а-а! А как же прощальные объятия?

Цзинсянь замер у двери, не оборачиваясь:

— Мы только что обнимались.

— Это не считается, я просто прилёг на плечо!

Глядя, как мужчина возобновил шаг, наотрез отказываясь спорить дальше, Юцин весело крикнул ему в спину:

— Я приду за своим должком позже! Положенный перед сном обнимаш упускать нельзя, а то заснуть не смогу!

Когда дверь захлопнулась, Юцин не сдержал смешка. Ах, младший дядя! С виду неприступная ледяная глыба, а на деле — милота недосыгаемая!

Каждое его движение заставляло сердце трепетать, влюбляя всё сильнее и сильнее.

К тому же он наверняка просто смутился.

Юцин посмотрел на свои ладони и медленно сжал пальцы. Должно быть, кроме него... никому в мире не позволялось переступить эту грань. Потому-то Цзинсянь и вёл себя так неуклюже, сдержанно и растерянно. Это одновременно тешило собственнический инстинкт Юцина и заставляло сердце сжиматься от нежности.

Он ведь такой замечательный человек.

Выйдя из кабинета, Дуань Цзинсянь только тогда заметил, что всё ещё сжимает в руках книгу. На его лбу залегла лёгкая складка досады.

Юноша был пылок, открыт и отчаянно тянулся к нему. Разумеется, это прекрасно. Но где-то в глубине души закрадывалось тревожное чувство, будто ситуация стремительно выходит из-под контроля.

Спустя мгновение губ коснулась едва заметная усмешка. Раз не выходит разобраться сразу — к чему ломать голову? Время покажет.

Главное — ценить то, что есть прямо сейчас.

Человек, который ему небезразличен, готов дарить ему то, в чём он так нуждался. Стоит ли омрачать это сомнениями? Чи Юцин совсем не похож на остальных, и Цзинсянь верил ему беззаветно.

Сегодняшний разговор лишь в очередной раз доказывал эту истину.

Этот парнишка не уставал удивлять.

Чи Юцин не стал торопить события. Повозившись ещё немного в кабинете, он ушёл к себе, принял душ и переоделся в домашнее. Затем набрал Фан Юаня, убедился, что тот освоился, обсудил рабочие моменты с Лу Вэем и без десяти десять постучал в дверь спальни Дуань Цзинсяня.

Войдя, он увидел Цзинсяня, который полулежал в постели с планшетом в руках — похоже, тот собирался ко сну.

Отлично, закончим быстро.

Лёгким шагом подойдя ближе, он опустил на край матраса и широко распахнул объятия. Встретив взгляд поднявшего голову Цзинсяня, Юцин невинно улыбнулся:

— Я пришёл! Младший дядя, обнимашки!

Дуань Цзинсянь к этому времени окончательно успокоился. Среда его привычек отвергала сумбур и излишнюю эмоциональность, но Чи Юцин являлся исключением из всех правил.

Отложив планшет, он коротко обнял юношу:

— Ну всё, иди спать. Не засиживайся доздна.

Юцин крепко сжал его в объятиях и лишь затем отпустил, кивнув:

— Я закончил с делами, так что сразу лягу. Только хотел спросить кое-что...

— Что именно?

— Дворецкий обмолвился, что ты отлично пишешь картины и дома даже есть мастерская. Понимаешь, у меня в кабинете висит картина, которая мне совсем не нравится. Младший дядя~ подаришь мне свою работу? Я повешу её на самое видное место, чтобы сразу бросалась в глаза!

Юцин знал: о художественном таланте Дуань Цзинсяня осведомлены единицы. Его работы были скрыты от чужих глаз, за всю жизнь он подарил друзьям от силы пару холстов.

Глядя на горящие азартом глаза парня, Цзинсянь почувствовал, как потеплело на душе. Это было до невозможности мило.

Сколько бы лет ни прошло, он так и не научился противостоять капризам своего мальчика. Видимо, у каждого в этой жизни есть своя уязвимость. Против лома нет приёма.

К тому же картина будет висеть в его рабочем кабинете, прямо перед глазами!

Замечательная, просто чудесная идея.

— Хорошо. Завтра утром пойдём в мастерскую, выберешь всё, что душе угодно.

— Договорились!

Завершив разговор, Юцин ещё раз ласково прижался к младшему дяде и уже собрался подняться. Но тут его взгляд, до этого прикованный исключительно к Цзинсяню, зацепился за вещь на изголовье кровати. Там сидел плюшевый панда.

Панда?!

Самая настоящая панда!!

Убедившись, что это не галлюцинация, Юцин обомлел. Мягкая игрушка? В спальне Дуань Цзинсяня? Да ещё и на кровати?! Это настолько не вязалось с образом холодного бизнесмена, что в голове не укладывалось.

Тревожный звоночек! Внутри моментально вспыхнула ревность.

Юцин застыл у кровати, искоса поглядывая на игрушку, которая теперь казалась гигантской, и с явной кислинкой в голосе протянул:

— Младший дядя... а ты, оказывается, любишь плюшевых зверей?

Дуань Цзинсянь не собирался ничего скрывать — да и как спрячешь, если жить им под одной крышей? А убирать панду с глаз долой было выше его сил.

Все эти долгие годы только этот игрушечный зверь дельно скрашивал его одиночество.

Посмотрев на шестидесятисантиметрового панду, Цзинсянь смягчился во взгляде и ласково потрепал игрушку по голове:

— Игрушки я не люблю. Но эта со мной уже много лет, так что она мне очень дорога.

Значит, особый случай... Настроение Чи Юцина стремительно катилось на дно. Нажимая на каждое слово, он поинтересовался:

— И... кто же тебе её подарил?

Если присмотреться, панда выглядел ухоженным, но потёртости выдавали его почтенный возраст. «Много лет» — не просто фигура речи. Игрушка явно не пылилась на полке, её регулярно сжимали в руках!

Чтобы этот холодный, недостижимый цветок наплевал на свой безупречный стиль и поселил у себя в постели нелепого плюшевого медведя?!

Не просто держал рядом, а спал с ним в одной кровати!

Юцин с головой погрузился в кипящий котёл ревности. Мучительное, выжигающее изнутри чувство раздирало душу: да кто же, чёрт возьми, этот щедрый даритель?!

В окружении младшего дяди отродясь не водилось людей, способных на столь ребяческий подарок. Что за чертовщина?

Волны ревности буквально затопили комнату. И хотя Дуань Цзинсянь не отличался особой проницательностью в делах любовных, не заметить этого не мог.

Сохраняя внешнее спокойствие, он пристально посмотрел на Юцина и вопросом на вопрос произнёс:

— Кто подарил?.. Ты разве не знаешь?

А?

Чи Юцин обомлел. В смысле? Он что... обязан знать?!

<http://bllate.org/book/20021/1991458>